

ИЛЬЯ ТОРОСОВ:

«МЫ СЛЕДУЕМ МИРОВЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ,
НО ПОШЛИ ДАЛЬШЕ...»

Зачем компаниям становиться «зелеными», каковы различия между международной и российской таксономиями, а также какие меры предпринимаются органами государственной власти, чтобы смягчить турбулентность энергоперехода для российского бизнеса, — об этом и многом другом накануне климатической конференции в Глазго рассказал в интервью «Нефтегазовой Вертикали» заместитель министра экономического развития РФ Илья Торосов.

НГВ: Илья Эдуардович, совсем недавно Минэкономразвития РФ представило новую версию стратегии низкоуглеродного развития России, в которой содержатся два сценария: инерционный и целевой (интенсивный). В чем их различие? Какой эффект для экономики страны может дать их реализация? Какой из сценариев более реалистичен и предпочтителен для устойчивого развития России?

И. Торосов: Главная задача стратегии – обеспечить рост экономики в условиях глобального энергоперехода. Для

этого нам нужно понять, как воспользоваться возможностями, которые этот энергопереход дает. Инерционный предполагает, что мы не предпринимаем специальных мер по адаптации экономики к энергопереходу. В результате происходит ускоренное сокращение энергетического экспорта вслед за снижением мирового спроса. Параллельно замедляются темпы неэнергетического экспорта из-за высокого углеродного следа (мы становимся «замыкающим поставщиком» в ряде отраслей). Снижаются инвестиции и

темпы экономического роста. Снижение темпов роста ВВП, а также рентабельности энергетического экспорта сокращает доходы бюджета и возможности проводить активную социальную политику – это приводит к низким темпам роста доходов населения.

Интенсивный подразумевает активные меры по декарбонизации с целью сохранить темпы экономического роста на уровне не ниже 3%. В качестве целевого предлагаем взять интенсивный сценарий. Он позволяет сохранить 3%-ный темп роста ВВП после 2030 года. За счет интенсивных мер по декарбонизации, реализации в стране климатических проектов углеродоемкость снижается большими темпами. Повышается конкурентоспособность экспорта, а значит – доходы бюджетной системы на долгосрочном периоде. Остаются возможности вести активную социальную политику, сохраняется рост реальных доходов населения на уровне не ниже 2,3% в год.

НГВ: *Есть ли уже понимание, в каком формате будет осуществляться торговля углеродными единицами в России: на добровольной основе, cap-and-trade, baseline-and-credit? Кто будет координировать процесс купли-продажи квот?*

И. Торосов: Мы сейчас решаем с региональным правительством и бизнесом методику распределения квот между компаниями и какой будет плата за невыполнение квоты.

НГВ: *В рамках формирования углеродного рынка Минэкономразвития РФ ведет работу по созданию системы верификации выбросов и к концу 2023 года планирует добиться ее признания на международном уровне. Ведется ли сейчас работа по подготовке соглашения с Международным форумом по аккредитации (IAF) о взаимном признании органов по валидации и верификации парниковых газов? На каком этапе сейчас находится эта работа, и чего удалось уже добиться?*

И. Торосов: По поручению Президента Минэкономразвитием подготовлены изменения об обязательной верификации углеродной отчетности, предусматривающей принятие более 30 подзаконных актов в сферах аккредитации, стандартизации, а также в части формирования перечней регулируемых парниковых газов.

Контроль со стороны верификатора будет не однократный. И в случае нарушений могут применяться различные меры, вплоть до отзыва финансирования

Российские производители получают возможность заключать договоры на услуги по валидации климатических проектов и верификации результатов своей деятельности с юридическими лицами, независимость и компетентность которых подтверждена национальным органом по аккредитации. К органам по валидации и верификации парниковых газов устанавливаются жесткие требования по их соответствию установленным стандартам. Это стандарты – ГОСТ Р ИСО 14065-2014 «Газы парниковые. Требования к органам.», ГОСТ Р ИСО 14066-2013 «Парниковые газы. Требования к компетентности», ГОСТ Р ИСО 14064-3-2007 «Газы парнико-

вые. Требования и руководство по валидации и верификации утверждений, касающихся парниковых газов».

По нашей информации, около десяти компаний подтвердили готовность пройти процедуру аккредитации в качестве органов по валидации и верификации парниковых газов, в том числе дочерняя организация ПАО «Газпром», Университет Иннополис, подведомственные организации Росприроднадзора, РУДН, МГТУ им. Н.Э. Баумана. Замечательно, что подведомственное Минэнерго России учреждение – ФГБУ «Российское энергетическое агентство (РЭА) также активно включились в этот проект и уже готовит материалы для аккредитации.

Часть из них планируют получить аккредитацию в зарубежных органах по аккредитации стран Европейского Союза для получения международного признания результатов своей деятельности.

В первой половине 2022 года Росаккредитация планирует подать заявку на расширение области взаимного признания в рамках International Accreditation Forum (IAF) в сфере аккредитации органов по валидации и верификации ПГ.

Результатом расширения области признания будет являться возможность российским органам по валидации и верификации парниковых газов использовать знак IAF и в перспективе получить признание их деятельности за рубежом без необходимости аккредитации в иностранных органах по аккредитации.

НГВ: *Таксономия – это счетная вещь, но подсчет вредного воздействия у разных стран может отличаться. Соответственно, каким образом будет достигнуто международное признание российской таксономии с точки зрения примененных в ней количественных критериев «зелености» проектов?*

И. Торосов: Здесь нужно разделять, что такое ESG-проект и ESG-компания. ESG-проект – это проект, соответствующий критериям конкретных «зеленых» проектов, которые мы прописали в таксономии. Там описаны критерии, виды деятельности, определяющие проект как «зеленый» или адаптационный. Когда мы говорим про саму компанию, то ESG-компания – это прежде всего компания, у которой в развитии, в ее операционной деятельности, в ее ежедневной рутине – приоритеты по этим трем направлениям. Указаны конкретные цели, механизмы достижения. Поэтому, когда компания говорит, что у них есть выброс, условно, и они будут его придерживаться – это не ESG. Если они скажут, что да, у нас выброс такой-то, но мы понимаем, что это негативный эффект, мы начинаем работать, у нас вот такая стратегия инвестиционная, столько-то рублей мы на это потратим. В результате эффект на выбросы у нас будет такой-то. Такую компанию можно будет назвать приверженной принципам ESG. На основе этого формируется и рейтинг ESG-компаний.

Когда мы работали над таксономией, важно было сделать такие критерии «зеленых» проектов, которые соответствовали бы европейским, чтобы в дальнейшем была возможность взаимного признания. Российская таксономия «зеленых» проектов практически идентична европейской, включая и дополнительные критерии, счетные параметры проектов. Разница лишь в том, что мы атом посчитали «зеленым». Поэтому в Глазго будем обсуждать взаимное

признание, чтобы у зарубежных инвесторов не было проблем со стороны их кредиторов с инвестициями в России.

В таксономии критерием не только является снижение выбросов CO₂-эквивалента. Действительно, сейчас есть вопрос на мировой повестке, как его считать. И этот вопрос мы тоже выносим на Глазго. Систему учета выбросов углекислого газа базируем на международных стандартах ИСО. Эти стандарты устанавливают базовые требования к отчетности, верификаторам и национальным органам по аккредитации верификаторов.

Но здесь вопрос скорее о модернизации или создании новых производств. В этом случае имеется техническая документация под оборудование, в соответствии с которой видно, насколько будет снижение выбросов CO₂. То есть тут не надо считать самому предприятию. Это все известно. Поэтому верификаторы будут определять соответствие критериям на основе действующих параметров по выбросам и тем, что будут в случае модернизации, по технической документации.

НГВ: *Существуют риски, что с запуском системы устойчивого финансирования в России некоторые компании захотят быть «зелеными» любыми средствами. Насколько четко национальная таксономия позволяет отделить реально экологичные проекты от «гринвошинга»?*

И. Торосов: Опять же, как Вы сами говорили, критерии «зеленых» проектов – строго счетные вещи. В большинстве случаев есть еще и дополнительные, которые там же прописаны. Проект либо соответствует им – и тогда он «зеленый», либо нет. Например, производство биоразлагаемых материалов. Здесь дополнительным критерием выступает отсутствие образования микропластика при разложении. Доказать его отсутствие нужно будет как на этапе верификации при получении «зеленого» займа, так и во время реализации проекта. То есть контроль со стороны верификатора будет не однократный. И в случае нарушений могут применяться различные меры, вплоть до отзыва финансирования.

НГВ: *Как быть тем бизнесам, которые по критериям таксономии реализуют адаптационные проекты? Смогут ли они привлечь ответственного инвестора?*

И. Торосов: Мы следуем мировым тенденциям, но пошли дальше – создали таксономию адаптационных проектов, учитывающую российскую специфику. Это уникальные и индивидуальные проекты в тех индустриях, которые у нас сильно развиты. Например, та же самая нефтегазодобыча, переработка. Они де-факто не «зеленые».

Нельзя совсем убрать выбросы в этих отраслях. Но если значительно их снизить, то для страны – это положительный эффект.

В принципе, любой инвестор, который заботится непосредственно об экологии, понимает, что да, есть безусловно солнечная электроэнергетика, которая с точки зрения выбросов минимальна. Но есть, например, проект по фильтрам на НПЗ, которые снижают выбросы. Да, сам процесс не «зеленый», но экологический эффект значительный.

Много есть инвесторов, у которых ESG-принципы не настолько жесткие. Есть возможность открывать представительства в России и часть средств направлять на адапта-

ционные проекты, тем более что зачастую положительное влияние на окружающую среду у адаптационного проекта выше и значительнее, чем у «зеленого».

НГВ: *Какие инструменты «зеленого» кредитования рассмотрены для МСП? Может ли субъект МСП выпустить «зеленые» облигации? Какие шаги он должен сделать в этом процессе?*

И. Торосов: Для МСП доступны те же устойчивые или «зеленые» финансовые инструменты, что и для других компаний, например, кредитование и облигации. Но здесь надо понимать, что для МСП будут более выгодны кредиты, потому что при выпуске облигаций есть сопутствующие расходы, например, госпошлина, комиссия биржи, консультационные услуги. Облигации будут более выгодны при крупных заимствованиях. Например, сейчас минимальный объем «зеленых» облигаций, обращающихся на бирже, составляет 100 млн рублей.

В таксономии критерием не только является снижение выбросов CO₂-эквивалента. Действительно, сейчас есть вопрос на мировой повестке, как его считать. И этот вопрос мы тоже выносим на Глазго

Что касается шагов, то в первую очередь предпринимателю стоит оценить самостоятельно – соответствует ли его проект критериям «зеленых» или адаптационных проектов. Затем уже обратиться в банк за получением финансирования и дальше верифицировать займ как «зеленый» или адаптационный.

НГВ: *Что будет с российской системой «зеленого» финансирования дальше? Рынок будет развиваться самостоятельно?*

И. Торосов: Государство создало регуляторную базу. Мы вышли и задали планки. Рамки, что не «зеленые», что «зеленые», что адаптационные, чтобы исключить тот же гринвошинг, потому что объективно компании будут заинтересованы называть «зеленым» все.

Наша задача, эти планки расставить так, чтобы компании были не сильно ограничены и у них были возможности эти проекты реализовывать. Зарубежный инвестор, придя к нам, может быть уверен, что по европейским стандартам – проект тоже «зеленый», если стоит лейбл «зеленый» по российским стандартам. «Зеленые» таксономии практически идентичны. А дальше государство будет отстраняться.

Систему «зеленого» финансирования мы изначально создавали по запросу бизнеса. И бизнес не увязывал создание этого инструментария с субсидиями или налоговыми льготами.

Наличие лейбла «зеленого» проекта говорит об устойчивости этого проекта к среднесрочным и долгосрочным рискам, в том числе и климатическим, рискам энергоперехода и т.д. Поэтому бизнесу интересен этот инструмент, спрос на него есть и без дополнительного субсидирования.

Мы создали необходимые условия, но жизнь уже покажет, являются ли они достаточными. Мы готовы систему постоянно дорабатывать вместе с бизнесом.